

Рубль должен еще заслужить свое звание

КОММУНИСТ
1989 № 18

Виктор Владимирович Геращенко — известный специалист банковского дела, хорошо знающий не только отечественную, но и западную (много лет проработал в наших зарубежных банках) кредитно-денежную теорию и практику. Его концепция перестройки банковской системы выдержала взыскательное обсуждение в Верховном Совете СССР. О ней и идет разговор в предлагаемом материале.

— Наше общество начинает осознавать роль денег в экономике, понимать, что рост цен происходит не просто потому, что плохо работает Госкомцен, а товарный дефицит — не только результат плохой работы Минторга и промышленных министерств, здесь тесная связь с денежным хозяйством. И вместе с тем становится понятно, что все это проблемы политические. Денежное хозяйство страны глубоко расстроено. Но раз вы взялись за него, значит, у вас есть надежда дело поправить. Что вы считаете принципиально важным с точки зрения укрепления рубля в ближайшей перспективе?

— В принципе проблемы денежного обращения — это отражение того состояния экономики, в котором она оказалась. Долгое время у нас и кредит, и денежное обращение были элементами вторичными, служили для достижения определенных экономических и политических целей. При этом далеко не всегда учитывались реальности хозяйствования. Отсюда проблемы и болячки денежного обращения. А их-то в первую очередь и ощущает население через дефицит товаров и услуг. Если мы рамки кредита не ограничиваем какими-то реальными стоимостными факторами, тогда кредитно-денежная эмиссия способствует инфляции. Поэтому первое, над чем, на мой взгляд, необходимо задуматься теоретикам и практикам банковской системы, — определить объективную границу кредита и реальную стоимость денег. Решив это, мы сможем через традиционные банковские методы, денежно-кредитную политику попытаться помочь экономике (понятно, что в один день этого не сделать).

— Но ведь Госбанк всегда в той или иной мере пытался проводить политику разумного ограничения кредитных ресурсов. И если это не получалось, то не потому, что ваши предшественники не понимали,

что нельзя раздувать кредит без меры, а потому, что всегда есть достаточно сильные политические факторы, которые не позволяют это сделать. Особенно в условиях нашей экономики, где денежные процессы никогда не рассматривались как первостепенные. На ваш взгляд, в какой степени сейчас, в условиях осознания денежных проблем как приоритетных, открывается возможность того, чтобы вся экономическая политика работала на твердый рубль?

— Сложный вопрос. Вряд ли можно уже говорить о признании денежных проблем приоритетными. Беда наша заключается в том, что долго не признавались объективно действующие законы товарного производства, господствовал принцип достижения цели любой ценой. Экономические цели, за которыми в известной мере всегда стоят цели политические, должны исходить из тех реалий, которые складываются в хозяйственной жизни. И тут возникает проблема точности оценки, то есть установления той границы, за которой кредит, по существу, стимулирует инфляцию, потому что правительство имеет определенные обязательства, в том числе и политические, которые диктуют те или иные государственные затраты. И то, какие у нас есть возможности произвести только целесообразные затраты, а нецелесообразные — остановить, — вопрос сначала экономических рекомендаций и затем — политических решений. Здесь важны и определение приоритетов, и учет фактора времени. Нельзя, например, как бы ни хотелось, в один момент резко сократить возросшие за долгие годы военные расходы — для конверсии оборонной промышленности нужно время.

— Для западной кредитно-денежной практики характерно представление о том, что Центральный банк, вообще говоря, не отвечает за экономическую политику правительства. Он отвечает за денежное обращение, за уровень инфляции. Если на практике бывает не всегда так, то в теории это наиболее распространенный подход. Цели регулирования инфляции, ограничения денежной массы могут расходиться с рядом других важных целей. Но они самостоятельны, и руководители центральных банков их достаточно жестко отстаивают. С этой точки зрения какие экономико-политические приоритеты должен отстаивать Госбанк, чтобы если не преодолеть, то по крайней мере затормозить инфляционный процесс?

— Проблема прежде всего в том, что у нас сам кредит, по сути, выполняет в экономической жизни вспомогательную роль. Как в те времена, когда старый Госбанк был институтом краткосрочного кредитования, так, по существу, и сегодня, когда такого рода банковские операции достались по наследству специализированным банкам, по-прежнему продолжает осуществляться кредитование в полуавтоматическом режиме, то есть трудности хозяйствования, нехватка, скажем, оборотных средств, замедление процесса оборачиваемости — они все покрываются кредитом банка. Вот этот автоматизм при фактически разноуровневых положениях тех или иных отраслей экономики и административном методе распределения ресурсов и кредитного планирования ведет

к тому, что банки не могут через кредит осуществлять реальную, эффективную экономическую политику.

К тому же система процентных ставок у нас в стране находится в полном отрыве от тех реалий, которые должны были бы действовать в нынешнем состоянии экономики. Сейчас банки предоставляют долгосрочные кредиты из 0,85 процента — это смехотворно низкая ставка. Мало того, процент выплачивается фактически за счет бюджета. Поэтому предприятия, испытывая нехватку оборотных средств, обращались за ними в правительство. Госбанк получал от него соответствующие указания и был вынужден давать трехлетний кредит по крайне низкой ставке, а в то же время была введена плата за фонды в размере 6 процентов. Это подстегивало спрос на кредит.

При этом со средствами населения банковская система поступала весьма вольно. Платила 2—3 процента годовых. Но сейчас, когда средства Сбербанка являются одним из основных ресурсов для ссудного фонда страны, и при том росте стоимости жизни, который все больше ощущается, мы должны за средства населения или хозяйствующих субъектов платить такую ставку, которая бы поощряла к сбережению, а отсюда, естественно, и взимать более высокий банковский процент за кредит, пуская эти деньги в оборот по такой ставке, которая покрывала бы проценты, уплачиваемые банком, плюс банковские расходы.

А у нас сейчас ставка искусственно низкая и, по сути, не помогает ощутить реальную стоимость денег.

Система процентных ставок у нас в стране находится в полном отрыве от тех реалий, которые должны были бы действовать в нынешнем состоянии экономики.

— То есть вы за такую необходимую в создавшихся условиях меру, как повышение ставки банковского процента?

— Да. Конечно, при дифференциации ее в зависимости от срока кредитования.

Роль кредита должна повышаться, но он, понятно, не может вытеснить бюджетные ассигнования, назначение которых — создание крупных объектов, реализующих национальные приоритеты.

— Вы предполагаете, что вопрос о повышении ставки ссудного процента может быть решен в ближайшее время?

— Во всяком случае для этого есть все экономические основания. Высокие ставки будут способствовать снижению требований предприятий на кредиты. Банки, взимая повышенный процент, получают большую прибыль и увеличат взносы в бюджет.

— В свое время, когда принимали Закон о госпредприятии, был предусмотрен переход к календарной очередности платежей. Мера эта, без сомнения, крайне жесткая и сама по себе достаточная для того, чтобы существенно изменить отношение предприятий к деньгам. Судя по постоянному росту в прошлом и нынешнем годах просроченной задолженности, понятно, что эта мера, в общем, не заработала. И это, наверное, одна из причин того, что кредит остается автоматическим. На ваш взгляд, почему так произошло, почему деньги остаются нежесткими для предприятий?

— Мне кажется, что календарная очередность платежей означает определенного рода автоматизм, хотя она и защищает интересы партнеров данного предприятия. Необходимо организовать дело так, чтобы каждое предприятие стремилось рассчитаться без просрочек, найти для этого деньги у себя или получить коммерческий кредит. У всякого предприятия есть первостепенные и второстепенные платежи. С второстепенным можно и подождать, а для первостепенного деньги необходимо найти у себя или взять займы: получить кредит в банке или получить коммерческий кредит (хотя на Западе, например, его удельный вес невелик). Многие предприятия накапливают значительные средства и сами готовы стать субъектами денежного рынка, то есть не только быть способными покупать казначейские обязательства (их Минфин собирается выпускать с 1990 года для финансирования бюджетного дефицита), но и покупать акции другого предприятия, предоставлять коммерческий кредит, особенно своим деловым партнерам. В этом и проявляется альтернативность источников финансирования.

— Мы организационно перестроили банковскую систему, и с этой реальностью приходится иметь дело. Она очень запутанна и даже иррациональна. Что дальше? Изменять ее или навести какой-то элементарный порядок?

— Если исходить из необходимости развития товарно-денежных отношений, формирования полноценного рынка, то банковской системой никто не должен руководить. Банками должен руководить лишь банковский принцип, здравый смысл и разумное правление, которое выбирается акционерами, в том числе и представителями государственных организаций. В ведущих, например французских или итальянских, банках главным акционером является государство.

Отсюда вопрос: а почему, собственно говоря, Центральный банк (в нашем случае Госбанк СССР) должен руководить другими банками? Следует говорить не о руководстве, а о регулировании их деятельности соответствующими экономическими рычагами. Хотя у нас для этого, может быть, еще не полностью созрели условия. Так, наши специализированные банки создавались на совершенно различной основе. Положение Агропромбанка и Промстройбанка отличается и по клиентуре, и по характеру активов и пассивов, и по методам деятельности. Если клиенты Агропромбанка экономически слабы и нерентабельны, это не значит, что их всех нужно перестать кредитовать, объявить банкротами

и ликвидировать. Ни в одной цивилизованной, с развитым денежным хозяйством стране так не делают. Банк, выдавший кредит, который стал трудновозвращаемым, не может просто вычеркнуть его в своих бухгалтерских книгах. Он всегда старается вместе с клиентом найти выход из создавшейся ситуации.

Необходимо не руководить банками, а создавать условия для их превращения в полноценные коммерческие банки. Думаю, что принцип их специализации был задуман без учета специфики банковского дела, без совета со специалистами. В результате получилось, что в районе у нас есть одно отделение, действующее по поручениям нескольких банков.

Постепенно распутывая клубок банковских проблем, мы пришли к тому, что каждый банк должен иметь возможность создавать свои отделения в любом месте, если это экономически целесообразно.

В мире есть тенденция к рационализации и концентрации банковского дела, но общество ставит определенные преграды, чтобы концентрация не превращалась в монополизм. Такой монополизм не нужен и нам. Нами подготовлены проекты банковского законодательства, которые сейчас начинают обсуждаться со специалистами. Главное, на наш взгляд, как это и сделано во всех развитых странах, четко определить роль, место, прерогативы и зависимость Центрального банка.

Думаю, мы не должны сейчас спешить разрабатывать закон, регламентирующий банковскую систему, как она видится сверху. Она должна как бы сама найти себя, сформироваться снизу. Этот процесс уже идет. Создано около 190 коммерческих банков. Их деятельность и даст хороший материал для обобщений.

Закон же о Государственном (Центральном) банке должен утвердить двухуровневую систему в банковской сфере, где Центральный банк осуществляет влияние на кредитную политику своими специфическими банковскими методами, имея определенную кредитно-денежную директиву, утверждаемую Верховным Советом. На мой взгляд, в современных условиях эта директива не должна быть излишне жесткой. Если реальная хозяйственная ситуация — например большой урожай, заготовку которого необходимо прокредитовать, или дополнительный выпуск лесных и строительных материалов — требует больших кредитных ресурсов, чем есть реально, Госбанк должен идти на кредитную эмиссию, но оценивать ее дальнейшее влияние на состояние покупательной способности рубля. И наоборот, исходя из интересов экономики в целом, Госбанк в определенных случаях должен ограничить объем кредитной эмиссии.

— Сейчас обнародованы цифры эмиссии фактической и планирующейся на следующий год. Считаете ли вы, что мы сможем обойтись десятиллиардной эмиссией? Реальна ли эта цифра, исходя из фактической финансовой ситуации? А с другой стороны, достаточно ли планируемое сокращение эмиссии, чтобы началось улучшение положения?

— Правильнее в данном случае говорить о банкнотной эмиссии, чтобы отделить ее от эмиссии, связанной с увеличением кредитных вложений. Кстати, в целом она раньше довольно неплохо регулировалась, поскольку жестко регулировалась заработная плата. Затем стали нарастать товарно-денежные диспропорции. Чтобы их преодолеть, недостаточно лишь роста предложения товаров и услуг. Надо задумываться и о других способах, прежде всего приобретении жилья. Думаю, что именно владение жильем является сильнейшим экономическим стимулом в любом обществе.

Банкнотное обращение у нас зачастую представляют большим, чем оно есть. Говоря о количестве денег в обращении, мы не должны сбрасывать со счетов то, что оно должно быть таким, какое необходимо для бесперебойности платежей. У нас сложилось предвзятое отношение к банкнотному обращению: считается, что банкнотная эмиссия — корень зла, первопричина инфляции. Но если представить себе, что владельцы счетов в сберкассе захотят хранить деньги в чулке, мы же не сможем сказать им: денег нет. В этом случае мы их должны будем просто напечатать, если не сможем добиться возврата кредитов, обеспечением которых явились вклады. И наоборот, введение, например, электронных денег не приведет к какому-либо улучшению состояния экономики.

Инфляцию определяет вовсе не количество банкнот. Мы здесь должны говорить о товарно-денежных дисбалансах, неэффективности производства и капиталовложений, бесхозяйственности, дефиците бюджета. А уж это соответственно ведет к выпуску необеспеченных бумажных денег.

Поэтому директива на размер эмиссии не должна быть настолько жесткой, что мы сами себе повесим гирю на шею. Говоря о том, достаточна или недостаточна цифра эмиссии, нужно сознавать, что в нынешних условиях это прогноз. Если у нас, например, не сработает налогообложение фонда зарплаты (а тут много вопросов, прежде всего не затормозит ли это рост производства в передовых наукоемких отраслях, да и в строительстве) или будут провалы с выпуском товаров народного потребления и окажется невыполненным план товарооборота, то этой суммы будет недостаточно, и придется вносить коррективы. Но еще раз подчеркну: проблема не в банкнотном обращении, а в том, на что мы тратим деньги, что кредитуем. Если мы кредитуем неэффективное производство, долгострой, то этим способствуем раздуванию денежной массы, а значит, и развитию инфляционных процессов.

— В связи с этим о дефиците бюджета. Его в той или иной форме финансировать кредитной системе. Как, по-вашему, достаточны ли масштабы сокращения бюджетного дефицита, чтобы стабилизировать положение?

— Стратегия сокращения бюджета правильна. Но мы должны думать не только о состоянии бюджета в 1990 году, но и о том государственном долге, который сложился в связи с дефицитностью бюджета в прошлом. Возникает вопрос, по карману ли нам этот долг в 400 миллиардов руб-

лей, прокредитованный банковской системой за счет привлеченных средств, в том числе денег предприятий и населения, или он потребует вовлечения банковской системы для осуществления денежно-кредитной эмиссии.

Рассуждая о государственном долге, в общем нужно отметить, что ничего страшного в самом факте его существования нет, все развитые страны его имеют. Государство хочет финансировать затраты, которые нужны обществу, используя то богатство, которое обществом накоплено. Это делается либо через бюджет, либо через кредит. Банк дает кредит именно тому, у кого средств нет, но на возвратной и платной основе. Так же и государственный долг должен быть потенциально возвратным. А если мы осуществляем траты, не задумываясь о необходимости возврата, это опасно. Хочу сказать, что отношение к государственному долгу у нас меняется, начало меняться. Однако порядок здесь не может быть наведен в одночасье.

— Любую антиинфляционную программу, при всей ее финансовой социально-политической сложности, можно описать в виде набора сравнительно простых мер. Вам предстоит сформулировать и защищать эту программу. Как вы представляете ее основные компоненты?

— Прежде всего это жесткая кредитная политика, которая будет определяться не только процентной ставкой, но и взвешенным, экономически обоснованным решением вопросов о целесообразности предоставления кредита.

А за этим стоит политика руководства Центрального банка. В первую очередь она должна быть направлена на сокращение раздутых вложений в отрасли группы «А». Необходимо стимулировать кредитованием переработку сельскохозяйственной продукции, ее транспортировку с целью ликвидации потерь, а также промышленность стройматериалов, чтобы поощрять население к строительству, а следовательно, и к сбережению. С этим связан и переход к более долгосрочному кредитованию населения для приобретения жилья — до 25—30 лет. Сокращение централизованных расходов на жилищное строительство будет способствовать оздоровлению бюджета. Интересно, что активы 2,7 миллиона американских компаний составляют лишь четверть стоимости жилого фонда страны. Частная собственность американцев — прежде всего их жилище. С этим во многом связаны их стимулы к труду.

— Когда в прошлом году обсуждался проект решения о продаже жилья, то одним из наиболее острых вопросов был вопрос о жилье в новых домах. Тогда на его реализацию населению пойти не решились. Как вам кажется, сейчас острота финансовой ситуации, обязательства бюджета перед кредитной системой достаточны, чтобы подтолкнуть к такой мере?

— Я бы сказал, что этот шаг должен делаться не из-за остроты положения, а исходя из общей логики социально-экономической рациональности. И существующие ограничения покупки жилья, на мой взгляд,

надуманные. Трудности создает и то, что при обсуждении этого вопроса речь идет просто о покупке, а не о покупке в кредит. Именно с этим связана малая пока что ее распространенность. Влияют также и наша привычка к «бесплатному» жилью, и нежелание местных властей идти на его продажу: чем же тогда они будут реально распоряжаться (дать/не дать — это же власть)? Но все же здесь проблемы больше связаны с объективными обстоятельствами, прежде всего с неотработанностью такого механизма.

Думаю, что неправильно ограничивать кредит на строительство жилья или садовых домиков. Конечно, он обостряет некоторые проблемы, увеличивая банкнотное обращение или стимулируя спрос на стройматериалы. Но зато у людей появляются реальные мотивации сбережения.

— *Могут ли наши валютные операции помочь в стабилизации рубля, и как вы смотрите на перспективы постепенного усиления связи рубля с внешним валютным рынком?*

— Шаги, направленные на децентрализацию внешней торговли, повышение заинтересованности предприятий в экспортном потенциале, правильные.

В то же время можно сказать, что они сталкиваются со сложившимися ценовыми диспропорциями. Зачастую предприятию трудно оценить, выгоден ему или нет выход на внешний рынок. Нередко вслед за этим следует обращение в Минфин за дотацией для покрытия разницы между внутренней и внешней ценой.

Необходимы дальнейшее движение, новые реформы. Возникает вопрос о курсе рубля. Проблема реальности курса постоянно наталкивается на деформированность внутренней системы цен. У нас больше 2000 валютных коэффициентов, а значит, фактически более 2000 разных курсов рубля. Говорить об установлении реального курса рубля без ценовой реформы, без нормальной налоговой системы нельзя. Одно не может быть оторвано от другого. Вопрос реального курса, а затем и конвертируемости рубля, в том числе частичной, тесно с этим связан.

Над концепцией реального курса и конвертируемости рубля сейчас работают специалисты. И в этом смысле консультации с нашими западными коллегами сыграют определенную роль.

— *Как вы смотрите на возможность приглашения специалистов Международного валютного фонда для помощи в решении целого ряда технических, процедурных, юридических вопросов, связанных с развитием рыночных отношений в нашей стране?*

— У нас уже есть контакты с МВФ, однако вопрос о присоединении к нему не такой простой и не только по экономическим и техническим причинам, хотя и то, и другое присутствует. Консультация — вещь полезная, но для консультирующего не просто осознать нашу специфику, влезть в суть дела, понять логику развития. Консультации, конечно, должны активизироваться, предложения о подготовке наших специалистов

необходимо принимать, но это не панацея. Решать свои проблемы мы должны сами.

Учиться надо, ничего зазорного в этом нет. Но у нас на самом деле достаточно способных, знающих специалистов, которые могли бы предложить неординарные решения. Вопрос часто сводится к тому, готовы ли мы их принять.

— Проблема отношений банковской системы с обществом, как и с международными финансовыми организациями, утирается в традиционную закрытость банковской информации. Какие вы намечаете шаги по расширению гласности в этой сфере? Будут ли публиковаться балансы Госбанка, как это принято во всем мире, а у нас было в 1920-е годы?

— Мы уже ведем такую работу, да есть и соответствующая просьба правительства. Нужно отделить предмет государственной тайны от того, что ею явно не является. Тем более что часто это — секрет полишинеля. Так, данные о наших валютных резервах давно обсчитываются Банком международных расчетов в Базеле и публикуются. Ясно, что тут скрывать нечего. Это даже мешает нам.

Сложнее вопрос о золотом запасе. Но и здесь закрытость данных в общем-то иллюзорна. Мы выступаем на мировых рынках продавцом золота, и размеры продаж известны. С помощью спутников делаются оценки нашей годовой добычи. Золотой резерв, конечно, должен существовать и пополняться. Относиться же к золоту нужно как к товару со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что же касается публикации банковских балансов, то, думаю, мы будем готовы делать это через год.

— Положение Центрального банка в валютно-хозяйственной структуре особое. По специфике своих задач центральные банки всегда вступают в определенные противоречия с другими органами. Что вы можете сказать об этой стороне дела, исходя из вашего нового опыта?

— Может быть, мне рано судить, но у нас хорошие, деловые отношения и с Минфином, и с Госпланом. Конечно, всегда существуют разные подходы, но достичь согласия можно.

Непонимание чаще может возникать в отношениях с другими уровнями. Я, например, категорически не согласен с попытками подчинить банковскую систему местным властям. Это может подорвать единство кредитно-денежной политики.

Кредитно-денежная система не должна ограничиваться территориальными рамками. Ведь для экономики денежный оборот — то же кровообращение. Его осуществляют банки. Любая изоляция ведет к закупорке сосудов. Местный орган власти может командовать только тем банком, в котором он сам акционер, и то в пределах своей доли.

— В числе антиинфляционных мер называют выпуск и размещение облигаций пятипроцентного Государственного займа. Как вы оцениваете эту меру и каким видите механизм ее реализации?

— Дефицит бюджета во многом покрывался и покрывается за счет ссудного фонда. Улучшение положения здесь связывается с созданием денежного рынка, рынка ценных бумаг. Однако сразу всех проблем денежный рынок в его ожидаемом виде не решит. Вряд ли, например, все кинутся покупать облигации.

Конечно, наша стратегия — создание развитого денежного рынка. Сегодня же задача банков — формировать хотя бы первичный рынок своей клиентуры. Дальнейшее же его развитие мы связываем с выпуском и размещением дополнительных обязательств Минфина и предприятий, развитием принципов самофинансирования.

— Сейчас в условиях дефицита и инфляции происходит развитие вне рыночных бартерных сделок предприятий, возникают разного рода субституты денег. Для оздоровления ситуации некоторые специалисты предлагают введение параллельного денежного обращения — первосортных, твердых денег, нечто вроде червонца двадцатых годов. Как бы вы прокомментировали такие предложения?

— Да, субституты денег появляются. Вот, например, сейчас банки ограничивают получение кооперативами наличных денег. Возникает ответная реакция — кооперативы скупают сертификаты Сбербанка и облигации трехпроцентного госзайма, которые и выступают в их операциях как субституты наличных денег. В стране фактически идет торговля валютными фондами предприятий, явочным порядком осуществляется коммерческий кредит в валюте.

Решение этих проблем — в оздоровлении финансово-кредитной ситуации. Введение же параллельной, «первосортной» денежной единицы — это не решение. Реализовать его практически трудно, да и недолго они смогут удержаться в своей первосортности в нынешней нестабильной ситуации.

— В связи с созданием системы коммерческих банков, новыми отношениями между ними и Центральным банком меняются, очевидно, и методы управления денежной массой?

— Да. Но, к счастью, здесь нам не надо изобретать многого, такие методы прекрасно отработаны в мировой практике. Речь идет об определении коэффициентов ликвидности, формировании резервных требований, установлении пропорций между привлекаемыми средствами населения и банковскими активами. Хотя, конечно, конкретные пути их использования в нашей практике еще нуждаются в дополнительной проработке. ◆